Леонид Каганов (род. 1972) – один из ведущих современных российских фантастов, мастер малой формы, автор целого ряда рассказов, приобретших культовый статус. Лауреат многочисленных премий, в том числе "Золотой Кадуцей", "Странник", "Роскон", "Бронзовая улитка", автор более десяти изданных книг.

ПРОБЛЕМА РАЗМЕРНОСТИ

Текст: Леонид Каганов

Я откинулся на спинку кресла и оглянулся. Жизнь удалась. В отделе царила скука. Индианка Дженни раскладывала пасьянс. Хосе негромко переругивался с Дэном, глядя через плечо в его дисплей и отчаянно жестикулируя по своей испанской привычке. Я потянулся и глянул на иконку интерпретатора – обсчет массива едва перевалил за одиннадцать процентов, значит, еще часа два можно заниматься чем угодно. Прежде чем запустить трек снова, я проверил почту.

ИЗМЕРЕНИЕ

И на тебе: пришло письмо от Пашки. Брат сухо писал, что ему снова отказали в американской визе. Это было мерзко. И главное – сделать я уже ничего не мог. Вздохнув, я поправил наушники и запустил трек.

На этот раз наваждение рассеялось. Сперва показалось, что перкуссия вступает чуть раньше, а ведущий барабан, напротив, опоздал. Это огорчало, но было поправимо: пара щелчков по клавишам, позже, когда доиграет. К середине огорчила скрипка – теперь она казалась искусственной. Она

и была искусственной, кто ж спорит. Стандартная скрипка из набора инструментов. Но минуту назад казалась нормальной, а сейчас почему-то резала ухо. Это тоже было поправимо – скрипок в наборах трекера имелось предостаточно, а можно было скачать еще миллион. Но теперь я вслушался в тему – ту самую великолепную тему, которую придумал в прошлый четверг, когда стоял в пробке. Тему, которую насвистывал всю неделю, боясь сесть и записать, ждал настроения – вдруг окажется неудачный день, мелодия не разложится по инструментам, не зазвучит, безнадежно сломается в каких-то высших материях, а потом будет поздно – наваждение испарится, и мелодию уже не оживить, сколько ни мучай трекер. Такое у меня уже бывало. Вот и сейчас наваждение кончилось разом – ничего волшебного в теме уже не слышалось. Проклятая скрипка. Опять Дастин Бродяга скажет...

Разом вспомнились слова Дастина из форума эмбиент. "Твоя проблема, Энди, – желчно писал Дастин, – в том, что ты ограничен. Посмотри на свои куцые ритмы – это бульвар, куплеты для пьяной француженки, партия свирели. С таким подходом ты вообще не имеешь права считать себя начинающим композитором. Ты мыслишь одномерно – одной темой одного инструмента. А настоящая сложная музыка – всегда оркестр".

Дастин Бродяга считался в композиторском форуме гуру и был обидно прав. Но согласиться с ним я тоже не мог. "Оркестр оркестром, – возражал я Дастину, – но ведь любое произведение строится на главной теме, а все остальное – вариации. И запоминается в музыке всегда главная тема. И если нет ее, никакой оркестр не спасет. И, возвращаясь с концерта, ты ведь насвистываешь мелодию, а не навороты оркестра". На что Дастин неизменно отвечал, что в этом и проблема: я, дескать, в силу своего примитивного развития способен чувствовать музыку лишь после того, как выдеру партию ведущего инструмента и устрою свист на прогулке.

Такие споры у нас шли каждый вечер, и, черт побери, аргументов против Дастина у меня не оставалось: образование математика подсказывало, что многомерное всегда богаче, чем свернутое по ряду измерений. Хотя ту музыку, которую писал сам Дастин, слушать было невозможно – шум и какофония. Впрочем, Дастин и его подпевалы считали иначе. Тоже мне композитор Шнитке без образования, великое светило мелкого форума, четыреста скачиваний в год. А у меня – триста, невелика разница...

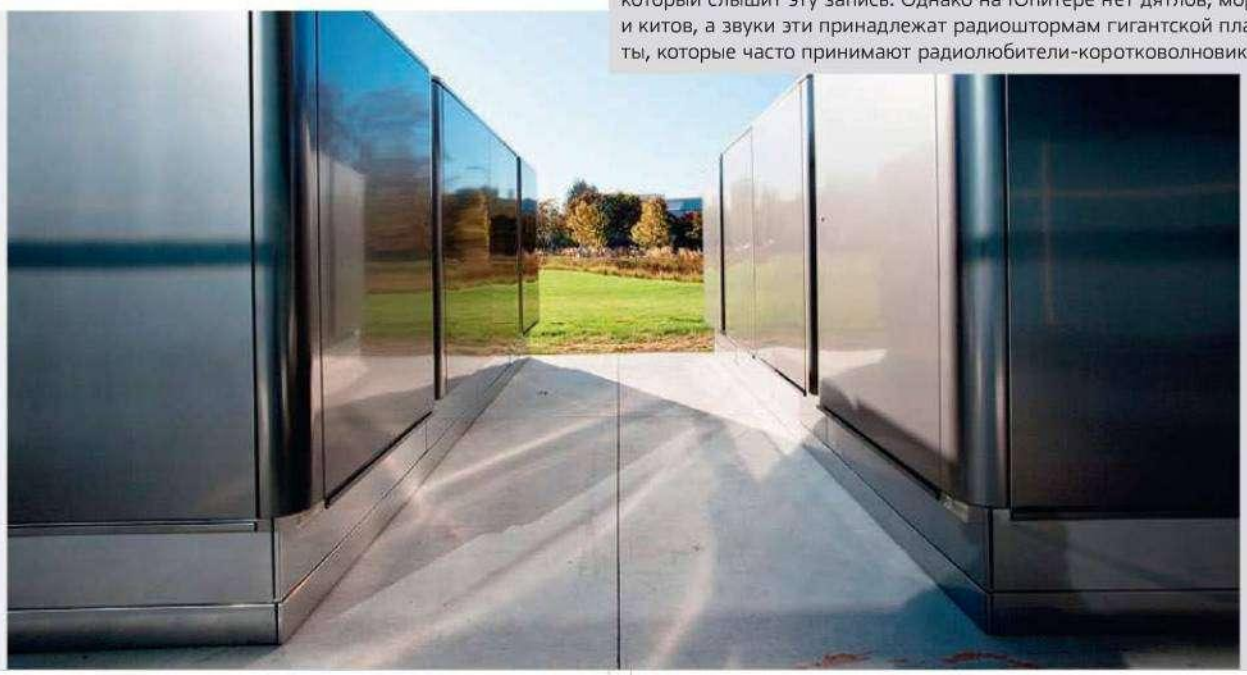
Я понял, что опять злюсь на Дастина, хотя злиться следовало на себя. Следующие два часа я пытался добавлять инструменты, перекладывать партии, строить бесконечные вариации и даже пустил фоном совсем другую мелодию – из своих ранних. Но вышла, как всегда, какофония.

Обсчет массива давно закончился, синяя лямбда хаскеля мигала в углу дисплея, наверно, час, прежде чем попалась мне на глаза. Выходит, час занимался посторонними делами. Именно тут мне в голову пришла совершенно безумная идея – перегнать массив замеров в аудиотрек.

Зачем? Что я рассчитывал услышать, кроме белого шума с нормальным распределением и скрежета нашего дурацкого веретена? Разве что похвастаться на форуме, что использовал для аранжировки не сэмплы из саунд-библиотек, а звуки космоса, полученные с орбитальной станции NASA, которая второй год висит над головой в пустоте и пытается измерить так называемый реликтовый гравитационный фон Вселенной, в существование которого верит только наш горе-профессор Авербан Каще. Но зато ему всегда верит Конгресс США, потому что Каще – единственный в мире темнокожий физик-теоретик, чьи родители когда-то сбежали из Сомали по католической линии. А еще он каждую пятницу играет в баскетбол с самим президентом США. Несмотря на возраст.

Комментарий "ПМ": **Говорит радио Юпитера**

Шум прибоя, стук дятла и голоса китов – вот что чудится человеку, который слышит эту запись. Однако на Юпитере нет дятлов, моря и китов, а звуки эти принадлежат радиоштормам гигантской планеты, которые часто принимают радиолюбители-коротковолновики.



Но в результате над головами налогоплательщиков второй год висит ванна, огромная вольфрамовая цистерна с водой высшей очистки, которую стоило абсолютно диких денег выбросить на орбиту и там под диким давлением разогреть до немыслимой температуры. Чтобы эта ванна фиксировала черенковское излучение. А она фиксирует только тишину и лишь месяц назад – веретено, которое, скорее всего, банальная помеха от какой-нибудь бортовой электроники, хотя обсчет не сходится, как ни крути...

Перегнать веретено в аудиотрек оказалось сложнее, чем думалось, – понадобилось сочинить программку на хаскеле (извините, Хосе, извините, Дженни, настоящий русский математик работает только на хаскеле). Я так увлекся, что даже не пошел на обед. Наконец веретено замеров превратилось в привычную лохматую гусеницу на экране трекера, но включить звук я не успел – на плечо легла тяжелая рука. Ну очень тяжелая – можно было даже не оборачиваться. Откуда он здесь? И как подкрался?

– Мистер Лохенко, – пробасил Авербан Каще, как обычно безбожно коверкая фамилию. – У вас все о'кей? Или опять сочиняете песенки на работе?

– Это данные, мистер Каще, – честно сообщил я. – Наш массив.

– Хорошее объяснение, мистер Лохенко, – холодно и с расстановкой произнес Каще. – Вы сейчас объяснили, что считаете меня идиотом. И это, увы, не первый раз. Однако я в курсе, как выглядит музыкальный редактор.

– Мистер Каще, я действительно загнал наше веретено в музыкальный редактор.

– Цель?

Я задумался.

– Любопытство, – нашлось наконец нужное слово.

– Разрешите и мне полюбопытствовать? – Каще содрал с моей головы наушники и нацепил на свой выбритый череп. При этом ему пришлось согнуться почти пополам, чтобы не порвать шнур. – Включите! – попросил Каще.

Ничего не оставалось, как нажать пуск. Дженни, Хосе и Дэн смотрели с сочувствием. Каще слушал недолго.

– МЕДЛЕННЕЙ В ПОЛТОРА РАЗА И СНАЧАЛА! – прорычал он, как любой человек, забывший, что он в наушниках.

Это было странно. Я сменил скорость и запустил снова. Прошло несколько томительных минут, из наушников долетали шорохи, но что именно там слышит Каще, было не разобрать. Выбритый череп потемнел еще больше.

– Еще раз, сначала, – зловеще повторил Каще, когда полозок уперся в край и остановился.

Я снова включил трек. На этот раз Каще дослушал только до середины, рывком стянул с головы наушники и распрямился.

– Мы поступим так, – сообщил он. – Подготовьте мне до завтра полный отчет, что вы – лично вы – сделали за полугодие. Для бухгалтерии, – уточнил он с ударением. – И заявление. И на этом мы расстанемся. Вы неплохой математик... наверно. Даст бог, найдете себе применение в других проектах NASA. Но не в моих. Всего доброго, мистер... Лощиненко.

Это был первый раз, когда Каще напрягся и выговорил фамилию правильно. Подчеркнул серьезность сказанного.

– Мне жаль, мистер Каще, – вздохнул я.

– Мне тоже.

Спорить с Каще бессмысленно. Было очень обидно, и лишь слегка утешала мысль, что у самого Каще положение гораздо хуже: рано или поздно ему тоже придется писать свой отчет – о том, что сделала за два года вольфрамовая ванна с водой на геостационарной орбите. Это понимают все, потому он так и психует последнее время.

– Мне жаль, мистер Каще, – повторил я.

Тот не ответил – повернулся и зашагал к выходу. И когда стеклянные двери отдела почтительно разъехались перед ним, остановился в проеме, обернулся и добавил:

– Да, и к докладной приложите сам текст.

– Что, простите?

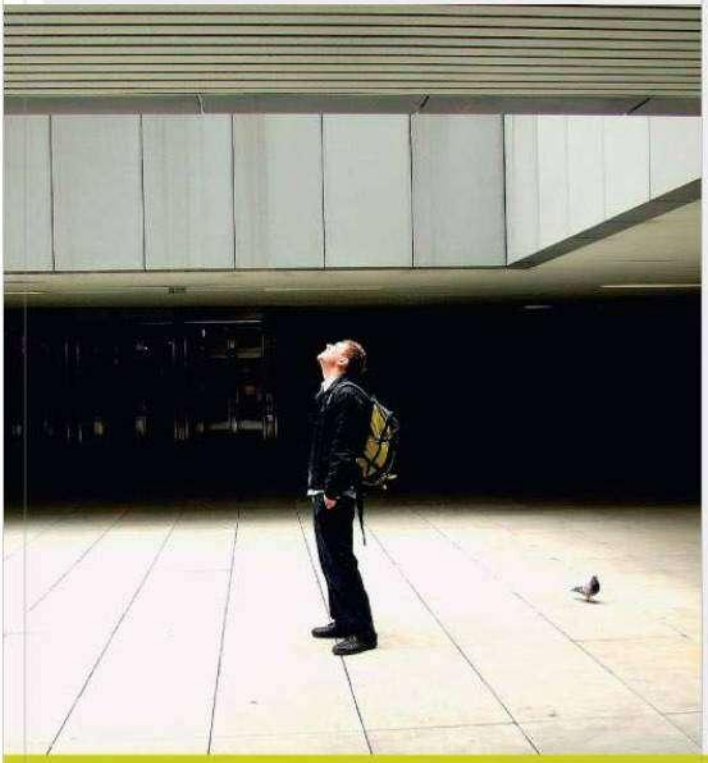
– Текст, – без интонации повторил Каще. – Ваш текст.

– Какой текст?

– Спич, который вы сочинили. Хочу прочесть с листа и показать знакомому психиатру.

Каще вышел. Стеклянные створки постояли недоверчиво и мягко закрылись. А я сидел еще долго, тупо глядя на экран и никак не решаясь нацепить наушники и запустить трек.

НАДО ПРИЗНАТЬ, ЧТО, НЕСМОТРЯ НА ЗАНОСЧИВЫЙ ХАРАКТЕР, АВЕРБАН КАЩЕ ОБЛАДАЛ И МНОГИМИ ПРИЯТНЫМИ ЧЕРТАМИ. Во-первых, он никогда не перебивал. Мог заявить "вы бредите" или "пойдите прочь, нам не о чем говорить" – но только после того, как собеседник закончит. Во-вторых, Авербан Каще никогда ничего не отметал сходу, а лишь



требовал проверки. В-третьих, если было надо, он с удивительной легкостью умел менять точку зрения и совершенно спокойно признавал свои ошибки. Да и вообще был отходчив. Наконец, он быстро соображал и столь же быстро принимал решения.

Уже через пятнадцать минут после того, как я догнал его в коридоре и заставил меня выслушать, над перегонкой веретена в аудио трудился какой-то личный IT-отдел Каще. Сам он потребовал, чтобы я дал подписку о неразглашении, срочно вызвал начальника внутренней безопасности и долго с ним о чем-то говорил в кабинете.

Все это время я провалялся в приемной на диване с ноутбуком и наушниками – набирал проклятый текст со слуха. А когда набрал, сделал еще и редакторскую версию – переложил этот чудовищный акцент на нормальный литературный английский. Наконец Каще меня вызвал.

– Энди, дружище, садитесь, – он приветливо показал на кресло, а сам метнулся к кофеварке, – кофе?

– Спасибо, не откажусь.

– Энди, – буднично возясь с кофеваркой, начал Каще, – скажите, а каково ваше мнение? Я так и не успел спросить в этой суете.

Я задумался.

– Варианта два: либо это чья-то шутка, либо это правда.

– Допустим для начала, шутка. Какие версии?

– Либо кто-то навел помеху на аппаратуру на орбите, ну, на ванну...

Каще вздохнул.

– Мне очень обидно, когда нейтринный резонатор вы называете ванной. Я знаю, вы все его так называете за моей спиной. Но я потратил на него почти двадцать лет, и мне обидно.

– Простите. Я продолжу: второй вариант – кто-то обманул приемную станцию на Земле, подсунул сигнал якобы со спутника. Третий вариант: кто-то проник в сеть дата-центра и поменял данные уже у нас.

– Веретено зафиксировано на орбите, – покачал головой Каще.

– Но подменить его на звуковой ролик могли на Земле.

– Зачем?

– Я сейчас просто фантазирую.

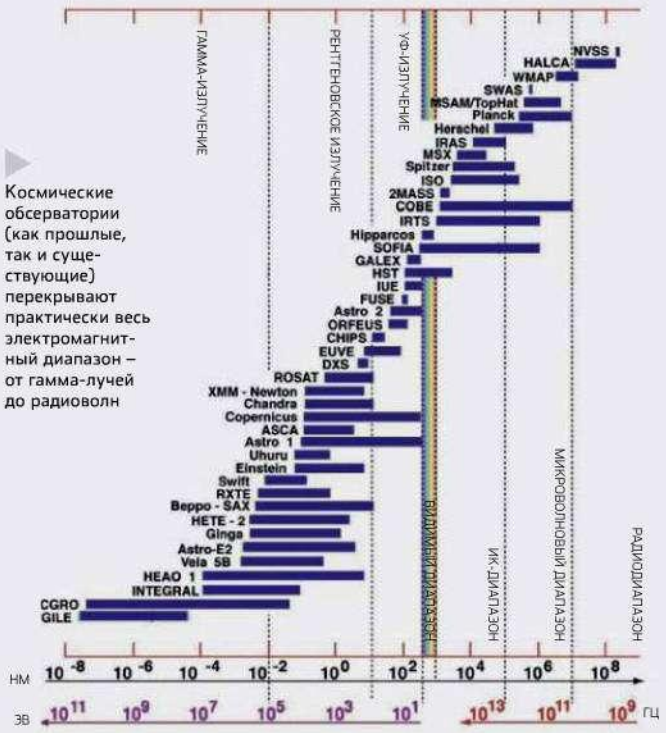
– Фантазируйте. Но эту версию я тоже проверил – веретено никто не менял.

– Как проверили? – удивился я.

– Отправил на орбиту команду компьютеру сконвертировать данные прямо на орбите, взяв их из блока самописца. И вниз отправить готовый звук в mp3... – Каще помолчал. – Ну а если это правда? – спросил он. – Вы сделали расшифровку этого чудовищного акцента, как я просил? Прочтите мне.

Я начал читать:

"Плесень жизни! Ничтожества трехмерного мира! Перед вами послание из высших измерений, которое вы вряд ли додумаетесь запеленговать и услышать! Мы, жители 18-мерного пространства, отправили его, просто чтобы сообщить: вы грязь под ногтем Вселенной! Вселенная огромна, и число ее измерений бесконечно! Но именно вы живете на том последнем рубеже, где пространство свернулось почти по всем осям и его размерность стремится к нулю! Трехмерные плоские



Космические обсерватории (как прошлые, так и существующие) перекрывают практически весь электромагнитный диапазон – от гамма-лучей до радиоволн

ОСНОВНЫЕ ОРБИТАЛЬНЫЕ ОБСЕРВАТОРИИ И ИХ ДИАПАЗОНЫ

Комментарий "ПМ": Нам сверху видно все

Атмосфера Земли имеет несколько "окон прозрачности" для электромагнитного излучения. Во-первых, это радиодиапазон от сантиметров до примерно 10 м. Во-вторых, это видимый и прилегающий к нему ИК-диапазон, а также несколько узких "окошек" в более длинноволновом ИК-диапазоне. Все остальное электромагнитное излучение почти полностью поглощается атмосферой.

Чтобы рассматривать Вселенную в УФ-, рентгеновских, гамма- или ИК-лучах, нужно избавиться от вредного влияния атмосферы. Поэтому неудивительно, что идея орбитальных обсерваторий стала довольно популярной, – на орбиту уже было выведено более трех десятков телескопов, работающих в самых различных диапазонах – от жестких гамма-лучей до сантиметровых радиоволн.

Кроме электромагнитного излучения космические обсерватории изучают солнечный ветер и космические лучи (поток заряженных частиц).

А вот чтобы изучать нейтрино, ученые не выводят научные инструменты в космос, а, наоборот, зарываются на километры под землю или в глубины антарктического льда, чтобы защитить сверхчувствительные фотоумножители детекторов от "шума" – космических лучей.

амебы! Ваш мозг даже не в состоянии представить, как на самом деле выглядит настоящий мир! Длина, ширина, высота – вот и все, что доступно вашему пониманию! А знаете ли вы, что существует еще долгота, глубинность, выдлинность... тьфу! У вас и слов таких нет в вашем примитивном языке! Вы когда-нибудь видели красоту хотя бы пятимерной живой природы? Способны себе представить шестимерное искусство? Восьмимерные спортивные игры? Так с чего вы, зазнавшиеся кляксы грязи, вообразили себя лучшими во Вселенной? Знали бы вы, как нам, жителям 18-мерных пространств, смешно, когда клякса начинает хвалиться своей природой, спортом и культурой, считая себя лучшей в мире! Ущербные ничтожества! Сидите тихо в своей сплющенной дыре и помните: вы грязь, плоская тупая грязь".

– Хорошая расшифровка, – похвалил Каще. – Но мне помнится, что в оригинале слово "Вселенная" они произносили не как world, а как universe. "С чего вы, кляксы, вообразили себя the best in the Universe?"

– Именно так, – кивнул я. – А есть разница?

– Есть, – ответил Каще серьезно. – Вы вообще телевизор смотрите, Энди?

– Нет, – признался я удивленно. – А у вас хватает на это времени?

– Утром, пока пью кофе. Так вот, "The best in the Universe" – это цитата. Слоган рекламы пива, которая сейчас везде. Они обиделись именно на это! Вы же видите по тону – они обиделись на нас! Улавливаете мысль?

– Нет, – честно ответил я.

Каще встал и зашагал по кабинету своей нелепой приседающей походкой, задумчиво отмахивая рукой. За эту походку его за спиной называли баскетболистом.

– Как бы ни был чудовищен акцент, – сообщил он, снова остановившись передо мной, – но тот голос произнес отчетливо: вы, плесень, смеете хвалиться своей природой, культурой и спортом. Вам ничего не напоминает этот список претензий?

– Не понимаю. – Я покачал головой. – К чему это все?

– Ну вы же физик-математик! – взорвался Каще, раскинув в стороны свои длиннющие руки. – Включите мозг! Станция! Орбитальная станция, где работает нейтринный резонатор! Три телеканала! Вы разве не знаете, какие каналы транслирует станция?

– Каналы? – изумленно переспросил я. – Какие каналы?

Авербан Каще сразу успокоился.

– Я думал, это не секрет, – вздохнул он с горечью. – Вы никогда не задумывались, почему данные поступают только два часа в сутки? Потому что некоторые любители сэкономить запихали на мою станцию еще кучу военных камер и огромный ретранслятор, который гоняет три телеканала. Точнее четыре: спортивных два, еще один – природа и один – культура.

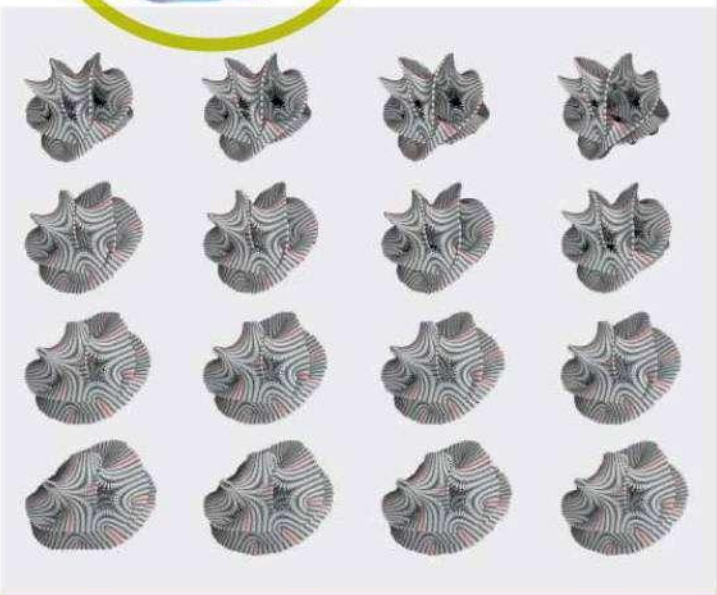
Комментарий "ПМ":

Теория суперструн и многомерные пространства

Хотя наш мир имеет три пространственных измерения (плюс время), ничто не мешает написать уравнения ньютоновской механики, максвелловской электромагнитной теории, СТО, ОТО и квантовой электродинамики для любого числа измерений – они при этом будут работать. Другое дело – теория струн. Различные ее варианты работают в мире строго определенной размерности. В частности, теория бозонных струн может быть построена только в 26-мерном пространстве-времени, а суперструнные теории – только в 10-мерном или 11-мерном пространстве-времени.

Как же 10-мерный суперструнный мир сочетается с нашим четырехмерным пространством-временем? Почему мы не видим остальные 6 (или 7) измерений? Предполагается, что эти пространственные измерения компактифицированы, то есть "свернуты" в очень маленькие клубки, которые наши измерительные инструменты просто не могут отличить от геометрических точек. Примером таких пространств могут служить трехмерные пространства (многообразия) Калаби-Яу, имеющие вещественную размерность, равную 6. Каждой точке нашего четырехмерного пространства-времени соответствует свое пространство Калаби-Яу, которое и обеспечивает дополнительные 6 измерений. И не исключено, что обитатели 18-мерного пространства из рассказа Леонида Каганова – микроскопические существа, которых мы даже не смогли бы рассмотреть.

Вращение вокруг вертикальной оси трехмерного представления четырехмерного многообразия Калаби-Яу



НА ВЕРХНЕМ РИСУНКЕ – ДВУМЕРНАЯ ПРОЕКЦИЯ ТРЕХМЕРНОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА КАЛАБИ-ЯУ

А нам оставили только два часа тишины. Вот они их и ловят, эти каналы, наши 18-мерные братья по разуму!

– А что, – растерянно спросил я, – им нужна для этого станция, они не могут ловить каналы нигде больше?

– Как видим, не могут! – воскликнул Каще, глаза его горели. – Там же в вакууме в полной изоляции вечно разогретый нейтринный резонатор! И на нем же сидит мощнейший передатчик телеканалов двадцать два часа в сутки! И два часа в сутки – наш тончайший приемник нейтрино. Логично предположить, что это единственный способ обменяться информацией между мирами, единственная точка соприкосновения. По крайней мере так следует из их письма. У вас есть другая гипотеза, Энди?

– Нет... – Я задумался, пытаясь понять, шутит Каще или всерьез верит, что с нами связался 18-мерный разум. – Но что ж тогда выходит? Что существует другой разум? Что он несоизмеримо мощнее нашего, они сумели запеленговать наши сигналы, догадались, как расшифровать их, изучили наш английский, чтобы кое-как выражать свои мысли, и наконец, построили систему, которая смогла передать нам сообщение из их мира – причем на совсем ином принципе, чем передатчик телеканала. Это действительно надо иметь потрясающе мощный разум!

– 18-мерный, – напомнил Каще. – Но ничего потрясающего я не вижу.

– Но выучить наш язык!

– Двухлетний ребенок это делает играя.

– Но 18-мерное пространство... Они имеют полное право критиковать нас.

– Вы полагаете? – Каще насмешливо заглянул мне в лицо. – Высший разум пришел объяснить нам, какая мы грязь?

Я пожал плечами. Каще принялся расхаживать по кабинету.

– Вот представьте себе, Энди, что вы вернулись в Россию... – начал он, но остановился и задумался. – Нет, неудачный пример. Представьте меня: допустим, меня пригласили читать лекции в Сомали. Вы можете представить себе ситуацию, что я на этой лекции буду втолковывать соотечественникам, что они малограмотное ничтожество в чудовищно отсталой стране, а я великий физик с мировым именем?

– Нет. Совсем нет.

– А ситуацию, когда ко мне подбегут соотечественники и начнут кричать, что я зазнавшаяся грязь, бездарность, позор великой страны Сомали, ходячее невежество, дремучий некультурный ублюдок, рожденный сомалийской шлюхой и согрешившим миссионером?

– Ну... – опешил я. – Это больше похоже на правду.

– Вот именно, – задумчиво сказал Авербан Каще. – Вот именно.

– Тогда, может, там какой-нибудь 18-мерный ребенок играется? – предположил я. – Или отморозок типа наших радиолюбителей? Не могут же политики столь развитой цивилизации делать такие глупые заявления?

Авербан Каще грустно усмехнулся.

– Вы слишком хорошего мнения о политиках, Энди, – сказал он с расстановкой. – Слишком хорошего.

Мы помолчали. Каще глянул на часы.

– Пора, – кивнул он. – И... простите, Энди, что на вас накричал сегодня. Вы прекрасный математик, и я горжусь, что вы в моей команде. И ваше музыкальное хобби лишь подтверждает вашу разносторонность. Никого не слушайте, пишите музыку, если это помогает работе. Если что-то вам мешает или какая-то проблема – не стесняйтесь, обращайтесь.

Я кивнул. А потом понял, что другого случая не будет, набрался смелости и выпалил:

– Я очень люблю младшего брата. А ему не дают гостевую визу.

Каще кивнул, словно ему и впрямь были известны такие подробности моей биографии. Впрочем, почему бы нет?

– Если не ошибаюсь, ваш брат – criminal? – спросил он.

– Это неправда! – горячо возразил я. – Он программист! Он талантливей, чем я!

– Хакер, – уточнил Каще.

– Он не был виноват. – Я опустил взгляд. – Он ничего не украл, его подставили. Нужно было кого-то посадить. Это было давно. И что, если человек отсидел год в колонии, он уже не человек?

– Хорошо, я понял, – кивнул Каще, распахивая наладонник и что-то помечая стилусом. – Но обещать ничего не могу.

ИЗ СТЕКЛЯННОГО ЗАКУТКА ТОЛПОЙ ВАЛИЛ НАРОД С КОЛЯСКАМИ И ЧЕМОДАНАМИ. Пашка появился последним. Вышедшая с ним пожилая негритянка в полицейской форме остановилась в отдалении и придирчиво наблюдала, как мы обнимаемся и хлопаем друг друга по плечам. За то время, что мы не виделись, Пашка потолстел, поставил все передние зубы, обзавелся золотыми очочками и стал еще более улыбчив.

Когда мы выезжали с парковки, раздался звонок.

– Энди, вы где? – раздраженно произнес Каще.

– В аэропорту, брата встретил. Я же взял выходной сегодня.

– Через сколько сможете быть у меня в кабинете?

– Ну... – Я задумался. – Мне надо сначала завезти брата домой...

– Не надо нигде задерживаться! – раздраженно перебил Каще. – Я выпишу пропуск, брат пройдет с вами.

– Случилось что-то? – насторожился я.

– Случилось, – сухо ответил Каще. – Пришло второе веретено.

Секретарша осторожно провела нас в кабинет, где сидели семеро человек. Одного я знал – это был начальник безопасности. Мы с Пашкой тихо сели. Каще ничего не заметил – он читал текст с наладонника. Мы услышали только концовку:

"...такого ничтожества. И если вы, трехмерная грязь, еще раз посмеете громко булькнуть, будто вы тут цари Вселенной и обладатели разума, мы вас просто сотрем вместе с вашим плоским мирком. Ясно?"

Наступила тишина.

– Мое мнение: пора докладывать президенту, – произнес начальник безопасности.

– Да? – нервно обернулся Каще. – А если завтра выяснится, что это чья-то дурацкая шутка, как мы будем выглядеть перед президентом и Конгрессом? Все мы, весь наш центр со

всей нашей... – Он запнулся, но все-таки закончил: – Вольфрамовой ванной. Она и так уже всем там...

Каще замолчал, нервно массируя бритую голову длинными черными пальцами. Снова наступила тишина.

– У кого есть идеи? – глухо спросил Каще. – Что думает Лощиненко, он здесь?

Каще поднял взгляд, обвел глазами присутствующих, на миг остановился на мне, но в следующее мгновение уставился на Пашку. Брови его удивленно поползли вверх.

– Мое мнение, – произнес Пашка с отчетливым русским акцентом, – понтуются они, дело понятное. Пугануть их надо разок в ответ, зачморить как следует. А то, если мы не ответим, они поймут, что с нами так и надо. Ну а если что – задний ход потом всегда дать можно, извиниться и выставить крайнего. Зато посмотрим, как они отреагируют, и поймем, шутка это была чья-то или правда.

Пашка замолчал, а Каще еще долго в упор разглядывал его.

– Простите, – наконец догадался Пашка и смутился, – вы на меня посмотрели и назвали по фамилии... Я думал, вы меня спрашиваете.

Каще перевел взгляд на меня.

– Энди, вы меня удивляете, – прошипел он. – Вы, оказывается, рассказали брату-уголовнику все то, о чем дали подписку? И вы имели наглость привести его сюда, в мой кабинет?

– Вы же сами пропуск выписали, сказали – пусть пройдет... – растерялся я.

– В здание пройдет! – заорал Каще. – В здание, кофе попить в буфете! Но не в мой кабинет на закрытое совещание департамента!

Начальник безопасности проворно поднялся и шагнул к нам, но Каще вдруг остановил его взмахом руки и опять уставился на Пашку. На этот раз на лице его появилась задумчивость.

– Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО ХОРОШАЯ ИДЕЯ, – говорил Пашка, пока его гримировали. – Вряд ли у меня получится быть убедительным. Я же не уголовник и никогда не вел силовых переговоров на таких тонах и в такой терминологии. Просто видел, как это делают уголовники, вот и все.

– Примени актерский талант, – посоветовал я. – Импровизируй.

– Кроме того, у меня плохой английский.

– Ничего, – напомнил Авербан Каще, – у них еще хуже.

– Кроме того, – продолжал Пашка, – вы меня подставляете – это еще ладно. Но получается, что я подставляю Россию! Изображаю русского генерала, который говорит за все человечество!

– Они смотрят американские каналы, поэтому ядерный русский генерал – это именно тот образ, который они поймут.

– Но, – возразил Пашка, – если что, все шишки посыплются на Россию, а вы как бы ни при чем!

– В данной ситуации у нас с Россией общие интересы! – лицемерно поднял палец начальник безопасности. – И вообще, мы выведем это заявление по каналу "Природа". Если что – скажем, что заявление отправило частное лицо из офшорной зоны. Скажем: извините, виновные наказаны.

– Офшорная зона-то тут при чем? – опешил Пашка.

– Готово! – перебила гримерша.

Пашка поиграл пальцами, разминая их, раздвигая пошире. Поправил папаху и китель с орденами.

– Только уберите Энди, – сказал Пашка. – Его циничная ухмылка очень сбивает.

Я вышел в коридор и прикрыл толстую, обитую кожей дверь. Вскоре над ней загорелась красная надпись "Соблюдайте тишину!". Я приложил ухо к мягкому кожзаменителю. Долетали только отдельные слова:

"...и крутые, что ли, здесь самые? ...скучно жили, проблем захотелось? ...чо, самая крутая размерность – восемнадцать? ...да вы три шестерки, а не восемнадцать. ...кто у вас главный, щурята? ...наши братки из три тысячи двести пятьдесят-мерного пространства велели передать ему, червю Мебиуса... и если еще раз, суки, будут такие наезды... в узел Минкевича скрутим, в бутылку Клейна засунем и в конус Эйнштейна запихаем..."

ВСЕХ УЧАСТНИКОВ КАЩЕ ОТПРАВИЛ ПОКА В ОТПУСК. Ролик, записанный Пашкой, крутили на станции каждый день – но вне сетки, телезрители его видеть не могли. Мы с Пашкой отправились на машине в Майями. Пашка шутил и рассказывал анекдоты, а вот у меня на душе было очень неспокойно. И когда раздался звонок с неопределившегося номера, я почувствовал, что сердце на миг остановилось.

Но звонили из "Эм-Ви-рекордс" – с ума сойти, они нашли в интернете мою музыку и предложили контракт! Все как у больших: контракт, выпуск пилотного диска, презентация в галерее. Мы спешно вернулись в Долину. Следующая неделя прошла в суете, подготовке и перепискаx с юристами. Презентация в галерее, правда, оказалась не только моя – в программе были еще пять композиторов, которых "Эм-Ви" раскручивает, в том числе Джемик и Стейтон, отцы жанра. С одной стороны, внимания на меня пришлось мало, с другой – в такую обойму вдруг попасть...

После презентации ко мне подошел низенький юноша с нездоровой кожей и засаленными волосами. Помявшись, он робко попросил автограф на диске.

– Кому писать? – спросил я.

– Дастин Бродяга, – произнес пацан и потупился, смущенно шмыгнув носом. Помолчал и добавил совсем робко: – Энди, ты теперь звезда... Может, и за меня словечко замолвишь продюсерам? По старой дружбе?

– Хорошо, – пообещал я великодушно. – Только напиши хороший трек с проработанной центральной темой, а не какофонию.

– Да-да! – закивал Дастин. – Я сделаю и тебе пришлю! Спасибо тебе!

И в этот момент зазвонил мобильник. Звонил Авербан Каще.

– Третье веретено пришло, Энди, – сообщил он весело. – Совсем короткое: "Извините. Виновные наказаны. Больше не повторится".

– Опа... – только и выговорил я. – Выходит, это не земной шутник был?

– Да. И еще мы теперь знаем: интеллект от размерности не зависит. ПМ